

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК:141.319.8 (045)

ОТКРЫТОСТЬ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

Человек отличается от всего живого тем, что он открыт миру. Открытость – необходимый компонент целостности человека, так как вне возможности преобразовывать мир для полноценного существования человек не может состояться. Определяет открытость как сущностную характеристику человека Арнольд Гелен, который наряду с Максом Шелером и Хельмутом Плеснером является основоположником школы «философской антропологии». Один из основных тезисов Гелена, гласящий, что человек есть существо неспециализированное, получает дальнейшее развитие в том, что человек использует свою неприспособленность, чтобы обозреть и заполучить в свои руки и самого себя, и мир. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою природу или сам создает собственную целостность, основанную на бесконечной открытости миру.

Ключевые слова: открытость, целостность, духовность, социокультурные образования, антропологические константы.

А.К. АБДИНА*Казахский агротехнический
университет им.
Сакена Сейфуллина**e-mail: abdinaa@mail.ru*

Человек обладает исключительной сущностной характеристикой – он открыт миру. Открытость, как признак целостности человека, характеризуется его изначальной неприспособленностью к окружающей среде и способностью совершенствовать мир для экзистенциального пребывания в нем. В свою очередь, удивление, любопытство, сомнение, воображение, творчество, вера – все это признаки открытости человека миру, его способности и возможности познавать, изменять и совершенствовать то, что его окружает.

Человек познает Мир. И себя самого. Как он делает это? С помощью каких средств осуществляется познание? Широко бытует мнение, что познание мира начинается с первым всплеском удивления у человека. Удивление в свою очередь породило любопытство и сомнение. Из любопытства человек начал познавать необъяснимое, постигать невероятное. «Болезнью любопытства» назвал Августин потуги разума объять необъятное. Все достижения человечества, направленные на цивилизационное совершенствование, основаны на любопытстве.

«...В законах развития разума есть только подталкивающая особенность, которая есть любопытство»¹. Действительно, любопытство всегда подталкивает человека вперед, застав-

¹ Последняя надежда. Обращение к современному человечеству. СПб., 1999. – С.26.

ляет его открывать новое, постигать неизвестное, но никогда не сдерживает человека, не позволяет ему остановиться и оглянуться назад, или задуматься, а нужно ли ему это новое и неизвестное, необходимо ли оно ему? И беспрестанно подталкивая человека вперед, разум не предполагает сдерживающей особенности познавательной деятельности человека. «...В законах развития души есть только сдерживающая особенность – сомнение»².

Действительно, любопытство никогда не сомневается, оно очень часто доходит до крайних пределов. А сомнение, которое есть закон развития уже не разума, но души, позволяет человеку оглянуться назад, одуматься задуматься над бренностью бытия. Любой субъект, вступающий на путь познания, должен обладать этой способностью, способностью к сомнению. «Всякий новичок – скептик», – считает Ортега-и-Гассет. Нельзя начинать познание, не сомневаясь ни в чем. Но, в то же время, бесконечное сомнение приводит к вечной неразгаданности, вечной неразрешенности проблем. «...Но всякий скептик – только новичок», – продолжает свою мысль Ортега. Вечно сомневающийся всегда остается в начале пути, не продвигаясь существенно в достижении истины. Сомневающийся никогда не достигнет истины.

Воистину, дорогу осилит идущий.

Любопытство и сомнение при всей своей необходимости недостаточны для постижения истины. Воображение, творчество, вера – вот те составляющие познавательной деятельности, которые органично дополняют рациональность мышления.

Времена «огульного рационализма» постепенно проходят, и человечество начинает поворачиваться в сторону духовности, веры, религии. Этот процесс протекает крайне медленно, крайне болезненно и сопровождается такими явлениями, как кризис духовности, деморализация общества, оскудение мировосприятия и мироощущения, или, говоря словами Хайдеггера, еще продолжает царить «вычисляющее мышление», а человечеству надобно стремиться к «осмысляющему раздумью».

Открытость – необходимый компонент целостности человека, так как вне возможности преобразовывать мир для полноценного существования человек не может состояться. Определяет открытость как сущностную характеристику человека Арнольд Гелен, который наряду с Максом Шелером и Хельмутом Плеснером является основоположником школы «философской антропологии». Главным антропологическим исследованием Гелена является книга «Человек. Его природа и его положение в мире». Достаточно четкое, хоть и неполное, представление о философской антропологии Гелена дает его небольшой труд «О систематике антропологии», в котором он подвергает критике все существующие представления о философской антропологии, обвиняя их в излишней метафизичности. «Надо заключить в скобки всякую теорию, сознательно или по недосмотру ориентированную метафизически, ибо ее существование или не существование наряду с фактами не только ничего в них не меняет, но и не порождает никогда новых конкретных вопросов применительно к ним»³. Наука о человеке в полном смысле слова возможна, утверждает Гелен, оговаривая при этом, что если это наука философская, то, значит, не «метафизическая», а скорее, «всеохватывающая».

За искомую отправную точку в построении всеобщей антропологии Гелен берет понятие действия. «Под действием нужно понимать предусмотрительное, планирующее изменение действительности, а совокупность измененных таким образом или вновь созданных фактов вместе с необходимыми для этого средствами – как «средствами представления», так и «вещными средствами» – должно называться культурой»⁴. Наряду с понятием «действие» Гелен рассматривает и понятия «культура» и «сообщество» как психофизически нейтральные понятия, предшествующие любому различению внутренних и внешних факторов, качеств и т.д.

Сравнивая человека с другими живыми существами, Гелен приходит к выводу, что предположение культуры как физического условия существования человека коренным образом отличает его от всех животных. Гелен считает, что при любых обстоятельствах и

² Там же.

³ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 156.

⁴ Там же. С. 160.

во всех условиях человек может выстоять в силу предусмотрительного и планирующего изменения условий своего обитания, и, более того, человек живет исключительно этим. «Человек, органически неспециализированный и открытый для раздражений, не приспособлен ни к какой специфической природной констелляции, но в любой констелляции удерживается благодаря планирующему изменению преднайденого и достижениям ориентации (истолкованиям, интерпретациям, новым комбинациям представлений и т.д.). Поэтому и субъективно у него есть мир, то есть расширяемое, лишь отчасти им сознательно воспринимаемое, охваченное в представлении в пространстве и времени целое»⁵. Не соглашаясь с утверждением, что у человека есть окружающий мир в том же смысле, что и у животных, Гелен задается вопросом: не есть ли сфера культуры именно природная сфера человека?

Если рассматривать человека морфологически, можно убедиться в том, что у него нет специализированных органов, составляющих коррелят окружающего мира, то есть человек выступает как существо неспециализированное. И, как уже отмечалось выше, только предусмотрительное, деятельное изменение этого мира в мир, пригодный для жизни, сделает возможным само существование человека. Гелен утверждает, что только на этом пути возможно биологическое, то есть эмпирическое и недуалистическое понимание «духа», и выдвигает следующую гипотезу: все духовные свершения человека можно понять исходя из его способности к действию. Для того, чтобы доказать данную гипотезу, Гелен рассматривает области восприятия и языка, считая, что ориентация в мире восприятия тесно связана у человека физиологически с развитием его способности к действию. Исследуя структурные законы зрительного восприятия, координацию глаз и рук, осязания и зрения, Гелен обнаруживает, что зрительное восприятие не есть изначально руководящее, но делается руководящим.

Зрительное восприятие постепенно перенимает опыт осязательного восприятия, то есть в результате повседневного опыта практическая ценность вещи становится видимой. Тем самым «движения и действия внушаются чисто оптически, то есть без всякого труда»⁶. Поскольку развитие направлено к тому, чтобы в конце концов воспринимались только важные и плодотворные изменения, постольку Гелен делает вывод, что видимые, то есть воспринимаемые, вещи содержат не только случайные наличные обстоятельства, но одновременно признаки и намеки на возможные или вероятные обстоятельства, а тем самым и указания для обихода и действия. Таким образом, движения человека должны иметь совершенно исключительное, не-животное, не-специализированное богатство комбинаций именно для того, чтобы соответствовать безграничному многообразию обстоятельств и ситуаций, которым предоставлен человек и которыми он должен овладеть»⁷.

Один из основных тезисов Гелена, гласящий, что человек есть существо неспециализированное, получает дальнейшее развитие в том, что человек использует свою непригодность, чтобы обозреть и заполучить в свои руки и самого себя, и мир. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Эта мысль Гелена созвучна теории Хельмута Плеснера об эксцентричности человека и его позиции «вне жизни». Надо заметить, что не только этот момент философии Плеснера привлекает Гелена. Если Плеснер считает, что именно язык и его значения есть истинное экзистенциальное доказательство позиции человека, находящегося в середине собственной жизненной формы и, таким образом, выходящего через нее вовне, то Гелен полагает, что именно благодаря языку делается последний шаг к освобождению от ситуации.

По Гелену, понятие «ситуация» для человека – это то же самое, что «окружающий мир» для животного. «Произвольно преступая границы «здесь-и-теперь», мир оказывается в нашем распоряжении в одних только значениях, чья интимная близость нам прористекает из нашей собственной жизненности, а слова одновременно замещают и представляют восприятия, перекрывая их в их фактичности и произвольно транспонируя их,

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 181.

что имеет чрезвычайно важное витальное значение в ориентации на удаленное и будущее»⁸.

По этому поводу Гадамер писал, что новейшая философская антропология в лице Шелера, Плеснера и Гелена показала, что «языковое строение мира менее всего означает, что человек со своим отношением к миру загнан в схематизированный языком окружающий мир. Напротив, везде, где есть язык и есть человек, человек этот не только возвышается или уже возвысился над натиском мира, но эта свобода от окружающего мира есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи, о чем и говорится в Книге Бытия, сообщающей, что Адам получил от Бога власть давать имена вещам...»⁹.

Связывая мышление человека непосредственно с языком, Гелен тем самым снимает проблему души и тела, то есть, рассматривая мышление исходя из языка, а язык – исходя из элементарных движений и ориентаций, Гелен считает, что можно отсечь любые причины для дуалистических допущений. Отсюда следует, что интересы, побуждения, потребности человека неразрывно связаны с иллюзиями их исполнения, то есть даны человеку самым «внутренним» образом.

В процессе же действия, удовлетворяющего эти потребности, от этой внутренней сферы уже ничего не остается, она растворяется в вонне направленном ситуативном сознании деятельности. Но человек сознательно может удерживать в себе свои побуждения, желания и интересы, не вступая в связь с действием. Это состояние Гелен называет «зиянием» (*hiatus*), и это «зияние» составляет целиком то, что называют душой. «В «зиянии» мы переживаем побуждения в оболочке фантазий и образов ситуаций их исполнения, т.е. в образах внешнего мира. Голодному мерещатся яства, а тщеславному – ордена. Поэтому Новалис, назвавший душу «внутренним внешним миром», видел проблему столь же глубоко, как и Кант, говоривший, что мы наполняем душу именно представлениями внешних чувств. Ясно, что жизненные побуждения человека с такой их осознанностью подвержены всем опасностям расстройств и заблуждений, которых лишено живущее инстинктами существо, и здесь возникает вопрос, какая же необходимость заставила смириться с этим риском»¹⁰.

Актуальные потребности должны сдерживаться, чтобы создать условия для выполнения будущих потребностей, которые будут актуальны в уже измененном мире, мире завтрашнем. Отсюда понятно, как направленная в будущее деятельность человека может находиться во взаимосвязи с его жизненными побуждениями. Но как происходит само это «наполнение души представлениями внешних чувств?» – задается вопросом Гелен. И отвечает: «Для этого нам не надо предполагать ничего, кроме всеобщей способности воображения или проникающей фантазии, достигающей при этом именно сферы побуждений, или же наоборот: открытости миру также и человеческих способностей»¹¹.

Здесь мы снова сталкиваемся с соотносительностью размышлений Гелена с трансцендентальной эстетикой Канта, основополагающим моментом которой является воображение. Человек приводит душу в движение ради свободной игры воображения и рассудка, оживляя порыв своих способностей представления.

И еще один момент. Большинство философско-антропологических исследований в вопросе об отличии человека от всего живого сводится к тому, что признает духовность наиболее специфической особенностью человека. По этому поводу Хельмут Плеснер, являющийся своего рода «духовным преемником» Шелера, пишет: «Специфику духовности как монополии человека Шелер видит в сочетании освобожденного влечения и порыва со способностью к предметному постижению, то есть с открытостью миру»¹².

⁸ Там же. С. 188.

⁹ Гадамер Г.Г. Истина и метод / Г.Г. Гадамер. М., 1988. – С. 514.

¹⁰ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 192.

¹¹ Там же.

¹² Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004. – С.13.

Таким образом, мы выяснили, что отличие человека от животных прежде всего в том, что животные живут в закрытых мирах, тогда как взаимосвязь человека с окружающей средой характеризуется открытостью миру. Поскольку эта взаимосвязь обусловлена несовершенной, неспециализированной конституцией человека, это позволяет ему восполнять незавершенность разными видами деятельности. «В этнологии общепризнанно, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа – социокультурная переменная»¹³.

Это значит, что не существует человеческой природы в смысле некоего биологически фиксированного субстрата, определяющего многообразие социокультурных образований. Человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант, определяющих границы и возможности человеческих социокультурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социокультурными образованиями и соответствует их многочисленным разновидностям. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою природу или сам создает собственную целостность, основанную на бесконечной открытости миру.

Список литературы

1. Последняя надежда. Обращение к современному человечеству. – СПб.: Иван Федоров, 1999. – 198 с.
2. Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 152 – 201.
3. Гадамер Г.Г. Истина и метод / Г.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 589 с.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Мысль, 1995. – 234 с.

OPENNESS AS ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF AN INDIVIDUAL

Human is distinguished from all living beings with his openness to the world. Openness is an essential component of individual integrity, as an individual cannot establish himself beyond the ability to transform the world for his full existence. Arnold Gehlen defines openness as essential characteristic of an individual. Arnold Gehlen, along with Max Scheler and Helmuth Plessner, is the founder of the “philosophical anthropology” school. One of the main Gehlen’s theses, stating that an individual is a non-specialized creature, is further developed in the assumption that individual uses his maladjustment to survey and get his hands on both himself and the world. Inherent instability of human existence forces an individual to ensure stable environment for his behavior himself. Although one can state that an individual has his nature, it is much more important to say that an individual constructs his nature or individually creates his own integrity based on the infinite openness to the world.

Key words: Openness, integrity, spirituality, social and cultural formations, anthropological constants.

A.K. ABDINA

*Kazakh Agro
Technical University*

e-mail: abдина@mail.ru

¹³ Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995. – С.83.